

СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ НА ТЕАТРЕ

Совет. Искус. 28/III-1931

Братья Адельгеймы на русской сцене впервые начали выступать в середине 90-х годов прошлого столетия. Их дебюты пришлось на тот момент истории русского театра, когда старая натуралистическая традиция, возникшая на идеологических дрожжах славянофильского «почвенничества», стала сдавать свои

Рфаил Адельгейм — Шейлон

позиции. Эпигоны Островского — на сцене и в драматургии довели «образцовую» сцену» дома Щепкина до полного забвения основ щепкинской учебы. Учеба отпадалась.

«Рубинштейн» темперамент бытового актера не терпел и намека на технику. Технике была объявлена решительная борьба. Она шла под знаком самовластья «путра». Актеры «грызли кулисы», а в своем деле были беспомощны, хотя и говорили о «святом вдохновении», которое «накатывает» на них и будто бы потрясает сердца зрителей. Но мочаловские «минуты», о которых так восторженно писал Белинский, были веянием уж очень отдаленной эпохи романтизации чувств, что явилось своеобразной реакцией на застойность давящей реакции 30-х — 40-х годов. Высокая нота трагедии

дни, пусть даже подмененная «копеечной» (а ведь Мчалов, наравне с шекспировским Гамлетом, «потрясал» и мелодраматическим графом Мейнау, сочиненным Коцебу!), — эта высокая нота, прозвучав однажды, выродилась в нечто жиденькое и тусклое. Можно было грызть кулисы, но толку от этого не получалось. Время 80-х годов было временем полнейшего упадка русского сценического искусства, что было совершенно очевидно для людей подлинной культуры. Отсюда — мечты об обновлении естественной традиции, отсюда — первые реформаторские попытки К. С. Станиславского в Обществе любителей литературы и искусства (еще в Охотничьем клубе), отсюда — новаторство педагогических приемов Вл. И. Немировича-Данченко, отсюда робкие опыты — А. П. Ленского, которому чиновники мешали экспериментировать с молодежью Малого театра, отсюда оглушительный успех гастролей Мейнингенцев, поразивших москвичей невиданным ансамблем, высокой грамотностью режиссуры и техническим мастерством актеров.

Недовольство старым и смутное чаяние нового толкали Немировича-Данченко и Станиславского к их исторической встрече, предпринявшей судьбу Художественного театра. Вот как раз на переломе этой эпохи, сдававшей позиции «путренного» искусства и чаившей новых методов, и появились Адельгеймы. Их появление было неожиданным и необычным в условиях тогдашней русской провинции. Понятно, что в Москве рождались новые веяния и настроения и кипели жаркие бои на театральном фронте, — а ведь и тогда был этот фронт, и тогда было о чем дискутировать. А вот представьте-ка себе «периферию» бывшей российской империи! Слова поэта о «вековой тишине по глубине России» оправдывались в полной мере. Очень хорошо характеризовал «общественность» провинции Глеб Успенский, говоривший, что только и происходит событий где-нибудь в Тамбове или Пензе, что бешеный волк забежит или Николай

Рубинштейн на гастролы придет. Впрочем вряд ли ездил Николай Рубинштейн на концерты в Пензу! А вот что в пензенских и тамбовских театрах творилось, — это не луждается в комментариях. Здесь был полный разгул «путра».

Тем парадоксальнее было появление Адельгеймов. Подумать только: один — Рафаил — музыкант, окончивший московскую консерваторию, другой — Роберт — инженер-технолог, а плюс к этому — оба выученки венской театральной школы.

Оба прежде чем выступить на родной, русской, сцене, штудировали с педантичной пастой основ театральную технику и целые годы проводят в Гер-

Роберт Адельгейм — Акоста

мании, теоретические уроки перевода на практику службы в немецких театрах. И потом еще: репертуар. Они играли почти исключительно классиков — Шекспира, Шиллера, Гюцкова...

Братьям Адельгеймам пришлось преодолеть не мало препятствий, презреть град насмешек, — смеялись над «выучкой», хихикали над классиками, — сломать много цензурных рогаток — вплоть до «разъясненного» департаментом полиции грима Уриэля Акосты. Было много терний и шипов на этом трудном актер-

ском пути. Прошли десятилетия, была изжита вся огромная страна — от столиц до медвежьих уголков, и ряд поколений пересмотрел классические образы — Гамлета, Отелло, Иго, Акосты, Бена Кибя, Карла и Франца Морров, короля Мира, Дон Жуана, царя Эдипа.

В этом служении классике — та культурная ценность, которую являла собой театральная миссия Адельгеймов — этих своеобразнейших культуртрегеров. Исключительный пример той высшей творческой добросовестности, в которой распушенность дилетантизма до конца выкорчевывается мастерством профессионализма, — вот что представляет собой полувековая работа Адельгеймов. Прибавьте к этому несомненную талантливость, для которой ведь вовсе не обязательно искать для себя приложения в творческих «загулах» Мозартовского порядка, изощренность технического умения, неистинную штудировку основ театральности культуры, — и нам станет ясна вся исключительность появления Адельгеймов на русской сцене в условиях конца XIX века и первого десятилетия XX. Но нужно сказать, что и в годы революции, заставившей в корне пересмотреть культуртрегеровские традиции и найти им надлежащую оценку, братья Адельгеймы, несмотря на возраст, посильно продолжали делать свое культурное дело: они выступали в красноармейских клубах, на фабриках, заводах, выезжали на фронты гражданской войны, занимались с молодежью Пролеткульта. Никакие самые заманчивые предложения не смогли бы их заставить отойти «на ту сторону».

Разумеется, забыты «Казни» и указание на надлежащее место буйной «стихии» — Киннам, но ведь и не в них была главная ценность адельгеймовского искусства. Но вот классика, в течение 45-ти лет воскрешаемая в ее прекрасных образах, классика романтических созданий Адельгеймов, — на что понадобилась нашему театру кануна великой революции.

И в том, что братья Адельгеймы так самоотверженно, достойно и честно ей служили, — в этом их непререкаемая ценность для наших дней.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.

2 СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

ФОНТЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА БРАТЬЯ АДЕЛЬГЕЙМ — НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ

Один из них — Роберт окончил московское высшее техническое училище, со званием инженера-технолога, второй Рафаил — московскую консерваторию по классу рояля. Обоим тянуло сцену. И уже в 1895 году Роберт Адельгейм выступил в оперетте Лентоного, Рафаил Адельгейм — в театре Немчинова.

Но театр того времени не удовлетворял Адельгеймов. Они отправляются для специальной учебы за границу. Получив в венской консерватории прекрасную сценическую подготовку, братья уже артельными актерами возвращаются в Россию. Несмотря на полученные от различных театров предложения, они избирают путь самостоятельного творчества и начинают свои гастрольные поездки по России. В течение 35 лет они несут высокую театральную

Роберт Адельгейм

Адельгеймы считаются лучшими исполнителями классического репертуара, а также создателями методики владения голосовым аппаратом и дыханием. Многие на их учеников, расходящиеся в настоящее время по всему нашему Союзу, принимают теперь места ответственных руководителей театров и режиссеров.

История русского театра не знает таких артистов, которые, в течение 35 лет странствуя по необъятной России, посетили бы столько городов и местечек, как Адельгеймы.

Октябрьская революция застает Адельгеймов в Москве. Они принимают участие в обслуживании спектаклями фабрик, заводов и рабочих клубов Московской области.

Их юбилейный спектакль, прошедший в исключительно торжественной обстановке 31 марта в фойе Большого театра, явился прощальным выступлением. В последние годы юбилария решили посвятить себя педагогической деятельности.

Совпарком РСФСР специальным постановлением отменил плодотворную сценическую деятельность бр. Роберта и Рафаила Адельгейм, присвоив им звание народных артистов республики.

Рафаиль Адельгейм.

культуру в самые отдаленные уголки страны, культивируя вместе с тем огромную театральную дисциплину в рядах артистов того времени, приучая их к всестанной работе. Владея прекрасной школой, братья

Театр и искусство.

„Кручица“ Адельгейма.

45 лет на сцене, 45 лет величайшего искусства, техника. Р. Адельгейм — это тип актера, который создавая свою школу, анализировал каждый свой шаг, каждый шаг актера и режиссера.

„Советское искусство“ в № 15-87, вот что пишет о бр. Адельгейм: „Братьям Адельгеймам пришлось преодолеть не мало препятствий, презреть град насмешек, — смеялись над „выучкой“ хихикая над классиками, ставили много цензурных рогаток — вплоть до „разъяснения“ департаментом полиции грима Уриэля Акосты“.

Но вот именно эта то выучка и сильна у Адельгейма.

Старая пьеса „Кручина“, автора Шпагинского, пьеса XIX века, явно мешанская, талантом Р. Адельгейма доведена до зрителя „выучкой“, о которой без смеха не могли говорить полсотни лет тому назад. Зритель, который казалось бы не мог понять чуждую нам по идеологии пьесу, старую издевательскую, „переварил“ с такой легкостью, с какой еще недавно мы смотрели пьесу „Движется лава“.

Р. Адельгейм заставил зрителя следить внимательно за ходом действия.

Богата игра Р. Адельгейма в пьесе „Кручина“.